

С.Ю. БАРСУКОВА

Ресурсная экономика и сословная рента (О книге С. Кордонского)

Автор подробно излагает концепцию С. Кордонского, полагающего, что специфика российской экономики состоит в господстве в ней сословного начала. Это по преимуществу ресурсная экономика. Основная цель ее субъектов – борьба за сословную ренту. Такая конструкция характерна как для советского, так и постсоветского социально-экономического устройства.

Ключевые слова: ресурсная экономика, советская экономика, постсоветская экономика, сословная рента, административная рента.

The author in detail states S. Kordonskii's believing concept that specificity of the Russian economy consists in domination in it of the estate beginning. It is mainly resource economy. A main objective of its subjects – struggle for an estate rent. Such design is characteristic both for Soviet and the Post-Soviet social and economic device.

Keywords: resource economy, the Soviet economy, Post-Soviet economy, an estate rent, an administrative rent.

Если предельно кратко объяснять суть взглядов С. Кордонского, то они сводимы к утверждению: *не обманывайте себя, наш рынок и порождаемые им классы чахнут в тени ресурсной экономики, социальной организацией которой является сословное мироустройство*. Подозреваю, это “просто” для меня, прочитавшей книгу Кордонского “Сословная структура постсоветской России” (М., 2008). Для тех, кто по каким-то причинам (от занятости до скудоумного интеллектуального превосходства) отказали себе в этом удовольствии, – немного подробнее. Оговорюсь: пытаюсь передать идею Кордонского, я постоянно сбиваюсь на собственное “развитие темы”. Любая хорошая книга – неудобный объект для пересказа, потому что упражняет ум, а не память.

Выделяются две аналитические модели – рыночная и ресурсная экономики. Социальной основой рынка являются классы, а социальная структура ресурсной экономики сводится к иерархии сословий. Соревновательная созидательность рынка, называемая экономистами конкуренцией, приводит к созданию новых продуктов (ресурсов); кто в этом преуспевает – богатеет, кто проигрывает – беднеет, что и определяет разделение людей на классы, различимые очевидным образом своим потребительским поведением¹. Сами люди четко и однозначно идентифицируют себя в этом пространстве, поскольку такие классы – ступени потребительской иерархии.

¹ Тут можно оговориться, что понятие “класс” имеет долгую и трудную интеллектуальную, а порой и кровавую историю, если из научных трактатов переползает в сознание масс. Достаточно вспомнить расхождение в понимании этого термина у К. Маркса и М. Вебера. Но Кордонский – автор без реверансов. Если ему что-то кажется “не по делу”, то почетного места в сносках не жди. Он берет понятие “класс” из

Но есть другой алгоритм – сосредоточивать ресурсы в едином центре и раздавать их тем, кто делом или словом доказали свою полезность обществу, то есть государству, которые в этой схеме принципиально неразделимы. Такую экономику О. Бессонова называет раздаточной, поскольку вместо “купи–продай” как упрощенного девиза рынка правит бал “отдай–получи”² (см. [Бессонова, 1994; 2006^a; 2006^b]). Сходная картина у С. Кирдиной, выделяющей два типа “институциональных матриц” с характерными для них экономическими, политическими и идеологическими составляющими³. Кордонский определяет такую экономику как ресурсную, подчеркивая принципиальную важность деления ресурсов между сословиями как стержневого процесса общественной жизни.

Равновесие рыночной экономики достигается через механизм ценообразования. У ресурсной экономики иные сигнальные каналы, заставляющие центр корректировать механизм раздачи. Если делят, кого-то обижая, или кто-то самочинно прихватывает лишнее, то в центр летят жалобы, и механизм поднастраивается с помощью специфичных для данного времени технологий – от рубки голов до разбора на партсобрании. Если же жалобы затихают, то механизм “раздачи” называют “социально справедливым”, то есть большинство согласны с тем, что разные виды деятельности получают ресурсов соразмерно их вкладу в общее дело служения державе.

В сословном обществе получают не за труд, а за службу. Разница принципиальная. Трудиться можно много или мало, а служить можно только хорошо или плохо. Рыночное поведение, в конечном счете, устремлено к покорению новых вершин потребления, что и подразумевает количественные градации труда и результата. Сословное служение трансформирует понятие труда в выполнение обязанностей, накладываемых обществом. Отсюда – важность характера, а не меры труда, поскольку в характере служения закодировано место индивида в обществе, его права, обязанности, привилегии, моральные нормы и отношение с законом. Если служить плохо – понизят в должности, что, скорее всего, вызовет снижение доходов, но отнюдь не потому, что на низшей должности меньше работы, а по причине менее ответственного служения. Труд оплачивается, а служба вознаграждается. Вознаграждаемые – это служивые люди, поделенные на *сословия*, то есть группы, у которых разные обязанности перед центром (сувереном) с соответствующей дифференциацией вознаграждения и прав. Кто-то служит государству “напрямую” (применительно к нашим дням это прокуроры, судьи, милиционеры, военные, госслужащие и пр.) – так называемые *титульные сословия* с массой внутренних градаций. У них есть визуальные знаки отличия (форма), формальные доказательства принадлежности к службам (удостоверения), законодательно закрепленные привилегии (например, депутатский иммунитет к уголовным преследованиям), неформальные регуляторы сословного поведения. А кто-то служит “косвенно”, обеспечивая условия деятельности титульных сословий (врачи, учителя, ученые, адвокаты, священники, проститутки и пр.), – так называемые *нетитульные сословия*, второй эшелон служивых людей с соответствующим престижем и жалова-

работ американский функционалистов (1930-х гг.) без пространных объяснений по поводу иных вариантов словоупотребления. Читателям, испорченным образованием, временами приходится трудно. Мерещатся политизированные и заточенные на революцию классы Маркса, выводимые из отношений собственности на средства производства, равно как и классы, дополняемые партиями и статусами в триединой конструкции Вебера. Но для Кордонского актуально не то, что прописано в книгах, но то, что воспринимается как социальная демаркация самими людьми. А те довольно внятно делят мир на богатых, бедных и средних, подсматривая и сравнивая потребительские модели. Что и было отмечено американскими социологами, назвавшими эти группы уже, казалось бы, занятым понятием “класс”.

² Когда в разгар радикального “строительства рынка” в 1990-е гг. Бессонова писала о скором грядущем восстановлении “экономики раздатка”, ее упрекали, что за приверженностью своей идее она не видит революционные изменения реальности. Сейчас мало кто сомневается, что идея того стоила. И реальность ее не подвела, стоило только подождать каких-то 15–20 лет.

³ По мнению Кирдиной, институциональной матрице “западного” типа свойственны доминирование частной собственности, демократия и главенство “я” над “мы”, тогда как институты “восточной” матрицы – это триада общественной собственности, авторитаризма и безусловного подчинения “я” воле “мы” [Кирдина, 2000].

нием. Если иерархия классов строится в мире потребления, то иерархия сословий – в пространстве прав и привилегий.

Ресурсы надо собирать, инвентаризировать, обеспечить сохранность, посадить или напугать тех, кто посягнули и на их несанкционированный распил, защитить от врага и пр., что определяет пестроту функционального назначения сословий. Но это видимое различие видов деятельности скрывает единый движущий мотив любого служения – продемонстрировать свою исключительную полезность для общего дела, незаменимость и, если повезет, способность заместить других, что и определяет, в конечном счете, выделяемые сословию ресурсы. Заместить, не в пропорции к труду, а по мере важности служения. Активность сословий направлена не на созидание (что определяет рыночную деятельность), а на передел (“распил” в терминологии автора) имеющихся ресурсов, на расширение пространства своих прав и привилегий, закрепленных законом или традицией.

В современном мире ни рыночную, ни ресурсную экономику нельзя найти в чистом виде. Они сосуществуют. В странах, на которые мы уже который век держим равнение, сложился устойчивый баланс рынка и раздачи с доминированием рыночной деятельности. Сословия сохраняются, но принадлежность к ним более отражается на престиже их членов, чем на доходах. Доминирование рыночных принципов приводит к торжеству классов над сословиями. Это проявляется, в частности, в отрыве богатства от сословных статусов. Аристократ может быть беден. В сословном же обществе иерархия сословий отражается на доходах их членов. Высокопоставленный чиновник не может быть беднее тех, кто в сословном измерении находятся ниже его. По крайней мере, он в этом уверен. Равно как уверен милиционер, что обеспечивать правопорядок важнее, чем заниматься “куплей-продажей”. Но поскольку никто официально не признает торжества служебной иерархии как главного принципа социальной организации, то и приходится служивым людям разными способами “восстанавливать социальную справедливость”, вплоть до риска попасть под суд за разного рода “злоупотребления”.

В России ресурсная экономика доминирует, сдавая позиции в периоды крушения сложившихся схем раздела ресурсов или их оскудения. Но как только рыночная инициатива начинает давать плоды в виде прироста ресурсной базы, служивый люд возвращает свои позиции. В России принципы рыночной и ресурсной экономики сосуществуют диахронно, то есть периодическое и краткое торжество рынка сменяется долговременным и сосредоточенным “распилком” ресурсов за фасадом служебного рвения. «...Возникает феномен цикличности отечественной истории, этакий “век сурка”» (с. 125).

Социальная карта современной России чрезвычайно пестра: реликтовые сословия уходящих эпох, кричащие о том, что “им положено”; сословия нового времени, мобилизованные на борьбу с “угрозами XXI века”, реальными или мнимыми; и классы, отчаянно пытающиеся вырваться из паутины сословных поборов⁴. У последних положение трудное: со всех трибун потоками льются уверения, что мы “строим рынок”, но непосредственные практики, данные в ощущениях и калькуляциях, свидетельствуют о какой-то иной реальности. Кордонский дает этой реальности название, ориентируясь на простой принцип – называть вещи своими именами⁵. Сословия, занимающиеся

⁴ То, что социальная стратификация современной России представляет собой переплетение сословной иерархии и элементов классовой структуры, подтверждают исследования О. Шкаратана и его коллег (см. [Шкаратан, Ястребов, 2007]).

⁵ Простой принцип – говорить по существу, проверяя адекватность сказанного эмпирическими наблюдениями, – на деле реализовать крайне сложно. Во-первых, большинству обществоведов просто нечего сказать, а хочется, что и реализуется в компромиссной стратегии сборки текстов из ранее написанного. Во-вторых, трудно идти против “мейнстрима”, сохраняя верность собственному пониманию ценности науки. Особенно сейчас, когда “обязательными стали знание английского языка, цитирование “классиков мировой науки”, ссылки на свежие иностранные публикации и – вершина творческих достижений – публикации за рубежом и участие в международных научных мероприятиях» (с. 149). Совсем недавно столь же рьяно цитировали классиков марксизма-ленинизма. При всех различиях суть одна – наука выполняет сервильную роль, подписываясь то под проект “Наша цель – коммунизм”, то под еще более смутное “Россия – часть глобального мира”.

распил, – вот суть нашей общественной жизни. А то, что мы по привычке называем политикой, есть процесс компромиссного увязывания интересов классов с ресурсными аппетитами сословий через механизм политического и экономического лоббирования.

«С моей точки зрения, Россия – страна, в которой в стабильные времена, вне революций и перестроек доминирует сословное мироустройство, основанное на неравенстве граждан перед законом и различиях в объемах прав и обязанностей перед государством. Россия была и остается ресурсным государством, в котором ресурсы не преумножаются, а распределяются – делятся между сословиями. Приращение ресурсов осуществляется за счет “расширения ресурсной базы”, а не за счет производящей товары деятельности и оборота капитала» (с. 37–38).

Теневая экономика СССР

Через призму общей концепции интересно объяснение феномена, которое в официальном лексиконе получило название теневой экономики СССР. Централизованное планирование предполагало тотальное торжество ресурсной экономики: люди должны были жить в пространстве “положенных” им благ. А положено им было отнюдь не только жалование, но и масса других привилегий, детерминированных их сословным статусом, – профилактории, ведомственные пионерские лагеря и пр. Революционный лозунг “Земля – крестьянам, фабрики – рабочим” был заменен нормативными лимитами на легальную часть сословной ренты: военным – пайки, ученым – “кормушки”, оборонщикам – черноморские пансионаты, милиционерам – коммунальные льготы и т.д. Распределение дефицитных благ, помимо централизованных каналов, шло через профсоюзы, выполняющие *de facto* роль консолидаторов сословности.

Мои воспоминания о жизни в новосибирском Академгородке пестрят такими деталями. Кандидаты и доктора наук отоваривались продуктами в разных закрытых распределителях и только по слухам знали, чем питается их коллега другого сословного калибра. Студенты с детьми, кстати, по способу “отоваривания” приравнивались к кандидатам наук, что было более действенной мерой демографической политики, чем нынешний материнский капитал. “Непрофильные” же служивые (врачи, учителя, водители) – ходили в “простые” магазины, и это более наглядно демонстрировало их “обслуживающее” положение, чем разница заработных плат. Официально разнились и жилищные условия. Защита кандидатской диссертации означала для иногородних ученых высокую вероятность переезда из общежития в квартиру в “хрущевке”, докторская диссертация была равноценна ключам от полногабаритной квартиры, а звание академика перемещало его обладателя на единственную улицу, застроенную коттеджами. Эта дифференциация была абсолютно легитимной, поскольку жалованье в совокупности с законными сословными привилегиями составляли так называемые *трудовые доходы* граждан.

Но, к несчастью для архитекторов этой стройной башни сословной дифференциации, люди не хотели ограничиваться трудовыми доходами. Они хотели штурмовать потребительские высоты, потреблять сверх “положенного”. И моральный кодекс строителя коммунизма, равно как и репрессивное законодательство задавали лишь меру конспирации таких устремлений, но не блокировали их. Однако, если в рыночной экономике состязательность потребления подразумевает соревновательность трудовых усилий при свободном доступе к разнообразным ресурсам, то в ресурсной экономике единственный способ выйти за границы сословно детерминированного потребления – использование распределенных центром ресурсов нецелевым образом, то есть творчески перерабатывая формально предписанные способы их обращения. Нецелевое использование ресурсов, включая их хищение, – это и было “предпринимательство по-советски”, или, в более привычных терминах, теневая экономика СССР. Другими словами, доступ к ресурсам был организован согласно сословной логике, а их использование рондило советских людей с банальными представителями классово-

го общества, распоряжающихся ресурсами исходя из собственных социально-экономических устремлений.

Эти устремления могли гаситься только репрессиями. Страшными и масштабными. Когда страх парализует. Ведь желание жить сильнее, чем желание жить хорошо. Частично поэтому при И. Сталине теневой экономики как массового явления с широким вовлечением народных масс не было. Играло роль и идеологическое начало, на укрепление которого положила свои таланты творческая интеллигенция того времени. Директивы 1932 и 1947 гг., позволяющие власти карать любого, кто посягнул на имущество предприятий и урожай с колхозных полей, невзирая на возраст и степень оголодания расхитителя, прозвали в народе “указами о трех колосках”.

После смерти Сталина машина пошла вразнос. Каждый пытался извлечь пользу из доступных ему ресурсов. Не надо думать, что речь идет только о заведующих продовольственными магазинами. Как минимум, у всех в пользовании был ресурс рабочего времени, оплачиваемый государством. А поскольку люди не работали, а служили, или обслуживали служение (что было главной причиной регулярных провалов внедрения хозрасчета и разных вариантов самоокупаемости), то заработок больше зависел от места работы, чем от меры труда. Наладчик оборудования на оборонном предприятии получал существенно больше, чем его коллега на швейной фабрике, и не по причине простоты швейного оборудования, а исключительно в силу большей важности обороны в деле социалистического строительства. Заняв хорошее место, можно было не напрягаться, а не заняв его, напрягаться было тем более глупо. Ведь легальную часть сословной ренты получали не за качество труда, а по факту принадлежности к сословной группе.

Поэтому меру труда, по возможности, пытались сократить. Исключение составляли “передовики производства”, демонстрирующие реальные возможности доступной всем ресурсной базы, за что их, мягко говоря, не любили товарищи. Фактически, передовики производства ничем не отличались от остальных трудящихся – все пытались найти предельную полезность ресурсов, спускаемых сверху. Только одни результат творческих усилий сдавали государству, а другие оставляли себе. Скажем, можно сверх нормы вспахать еще одно колхозное поле, а можно – свой или соседский участок, замечу – используя спускаемую сверху технику и прочее. Государство отблагодарит премией или грамотой, а сосед поделится будущим урожаем или, не дожидаясь, “даст бутылку”. Эта многофакторная модель в своем решении имела вектор теневой экономики.

“Использование рабочего времени в личных целях” – самый доступный вариант хищений по-советски, поскольку рабочее время было единственным ресурсом, который государство предоставляло всем. Остальные ресурсы дифференцировались по условиям, что определяло различие алгоритмов и размеров их конвертации в так называемые *нетрудовые доходы*. И потенциал такой конвертации был ничуть не менее важным критерием оценки работы, чем связанные с ней трудовые доходы. Знаменитое отчуждение от труда, приписываемое Марксом капитализму, своеобразно преодолевалось при социализме: люди испытывали “отчужденное” равнодушие к процессу и результатам труда, но к ресурсам, выделяемым на эти цели, относились как к родным.

Не удержусь от воспоминаний. В 1980-е гг. в целях трудового воспитания старшеклассники один день в неделю отправлялись получать профессию в учебно-производственные комбинаты. Там им быстренько что-то рассказывали и ставили на рабочие места затыкать дыры в кадровой политике. Юмор власти состоял в том, что, например, обучение профессии “химик-технолог” на деле означало стояние у конвейера на химико-фармацевтическом заводе в роли упаковщицы бинтов. Платили за все работы равно символически. И главным критерием “выбора профессии” у школьников была возможность унести что-то домой. Впервые я столкнулась с демотивацией к учебе: меня как отличницу определили в “химики-технологи”, а двоечники стали продавцами в продовольственных магазинах. Но справедливость восторжествовала: унесенная ими сметана давно съедена, а моих бинтов хватит еще надолго. Старшие товарищи пока-

зывали виртуозные схемы выноса через проходную. В этом и состояло приобщение к труду в советском смысле.

Показательно, что во времена хрущевской оттепели произошли отнюдь не либеральные изменения в законодательстве. Власть вынуждена была пойти на ужесточение, поскольку по мере ослабления репрессий начала расти теневая экономика. Но народ стал жить под лозунгом “Всех не переловишь!”, оттачивая мастерство в двух параллельных экономических мирах – официальной и теневой экономиках. Впрочем, миры эти были не параллельные, поскольку пересекались. И главным пунктом пересечения стала единая ресурсная база, доступ к которой лимитировался сословным статусом. В росте теневой экономики сыграло роль и ослабление идеологической составляющей режима. Главный интеллектуальный проект интеллигенции – десталинизация (столь же эстетически талантливая, как прежнее воспевание сталинских побед) породил у простых людей разочарование в идее как таковой и, как следствие, моральное оправдание экономических диверсий против государства.

И тут выяснилось, что сословия различаются не только размером жалования и суммой благ, составляющих законную сословную ренту. Главное и решающее основание их стратификации – возможность распределять ресурсы. В сословном обществе распределение ресурсов и есть сущность власти. Кордонский вводит понятие “*административной валюты*” как дозированного права (легитимного или нелегитимного, легального или нелегального) влиять на отчуждение и распределение ресурсов, что дает его обладателю доступ к самым разным благам. Административная валюта была побочным следствием сословного устройства. Реальный объем власти измерялся не перечнем должностных функций, а возможностями влиять на траекторию ресурсных потоков. Так, письмо на партийных бланках имело больший вес, чем на бланках советских органов, что задавало реальную, а не декларируемую иерархию партии и советов. “Не имей сто рублей, а имей право их распределять” – ключевое неформальное правило ресурсной экономики. А поскольку распределялось все – специалисты, трактора, путевки, лекарства, – то поле административных торгов гудело, как улей.

Не следует думать, что лишь корысть двигала людьми. Участие в административном торге зачастую становилось единственным способом выполнить спускаемый сверху план. Равно как и способом привлечь ресурсы в определенный регион, ведь строительство нового объекта на территории области означало развитие транспортной и социальной инфраструктуры, привлечение людей и, как следствие, рост веса региональных руководителей в переговорах с центром. Так что мотивы участия в административных торгах могли быть самые разные, далеко выходящие за пределы простого обогащения через хищение выделяемых средств.

В теневой экономике советского периода четко выделялось два сегмента – стихийная теневая деятельность отдельных граждан (несуны, спекулянты, фарцовщики и т.д.) и организованная масштабная деятельность цеховиков (подпольных артелей по производству дефицитных товаров). Первые были дистанцированы от власти в том смысле, что власть не была “в доле”, целенаправленно не выделяла ресурсы для их теневого использования. Поэтому несунув и спекулянтов ловили, обличали, исключали, прорабатывали, то есть разнообразно порицали.

Цеховики же создавали условия для перевода “административной валюты” в потребление властной элиты. Поэтому их ловили только в рамках кампаний, когда зачищали пласт руководящей номенклатуры под новых претендентов. Правда, иногда разбирательства приводили к выяснению подробностей, не предполагаемых первоначальным сценарием, то есть следы тянулись в кабинеты, покой которых нарушать было нельзя. Страховались от таких неожиданностей закрытым слушаньем дел, и тогда рука Фемиды проводила черту, отсекая указанный уровень. Сбои случались только на закате социализма, когда распоясавшиеся журналисты, отработывая заказ отдельных внутрипартийных группировок, начали опубличивать дела самого высокого уровня.

Тесную связь цеховиков с властью иллюстрирует дело “трикотажников” времен хрущевской оттепели [Эвельсон, 1986]. Это было громкое дело и по суровости при-

говора, и по скандальности разоблачений. Начиналось все вполне безобидно: веря в облагораживающую силу труда, в психоневрологических диспансерах ввели трудотерапию для больных в формате “лечебно-трудовых отделов”. Например, они могли производить крайне дефицитный в те годы трикотаж, для чего выделялось сырье и оборудование. Но врачи категорически не умели и не хотели заниматься трикотажным производством: станки ржавели, шерсть кормила моль. Пока не появился некий оборотистый выходец из Бессарабии, взявшийся наладить процесс, за что ему были благодарны врачи, больные и вышестоящие органы. Быстро выяснилось, что это золотая жила, если подойти к делу с умом. Творческий подход к сырью и оборудованию давал неучтенный выпуск продукции. Для этого использовали лекала меньшего размера, добавляли синтетическую нить, налаживали станки на разреженный трикотаж и т.д.

Под видом списанных получали работающие станки, под видом низкосортного – сырье высокого класса; больных заменили свободные трудяги, чьи трудовые книжки зачастую лежали в каком-нибудь отделе кадров. Производство расширялось и скоро перешагнуло больничные ограды. Замечу: станки и сырье не воровали с государственных складов под покровом ночи. Их получали вполне легально. И реализовывали трикотаж не из-под полы, а через государственные магазины, беря в долю торговых работников. Во избежание нежелательных проверок на дорогах было организовано милицейское сопровождение. Следствие выяснило, что в деле “трикотажников” были замешаны представители разных ведомств, причем довольно высокого уровня. По делу проходили заместители министров, ответственные работники Госплана, администраторы магазинов, офицеры правоохранительных органов. Расстрельные статьи стали не только реакцией на масштаб бизнеса, но и желанием похоронить свидетелей предельного разложения системы. Это было громкое, но не уникальное дело: схожая система возникла в Грузии по выпуску модной в 1960-е гг. одежды из ткани “болонья”.

Только наивные романтики могли видеть в цеховиках рыночных “буревестников”, экономических бунтарей, воюющих с системой. На деле они были связаны с системой принципами ресурсной организации, не говоря уже о том, что гарантированный сбыт их продукции обеспечивался товарным дефицитом, порождаемым централизованным планированием.

Будучи порождением советского порядка, цеховики тем не менее приблизили его конец. Отстраивая бизнес на основе “административной валюты” патронов от власти, теневые предприниматели ломали основу этого общества – сословное мироустройство, поскольку стимулировали образование классов, различающихся в пространстве потребительской иерархии вне зависимости от сословного статуса. “А классовая структура по отношению к сословной организации общества-государства выступает в роли раковой опухоли” (с. 68). Офицер стал жить хуже “торгаша” в силу того, что первоначальное распределение ресурсов между ними (трудовые доходы, включая легальную часть сословной ренты) корректировалось теневыми процессами. Это окончательно разрушило веру людей в социальную справедливость, понимаемую в сословном обществе как распределение благ пропорционально важности служения державе. Началась перестройка – время становления новой сословной топографии, что всегда происходило во времена смут и революций.

Современная Россия: возрождение сословности

Реформы 1990-х гг., вполне обоснованно называемые рыночными, привели к необратимым изменениям советской сословности. Ведь предмет служения в СССР так или иначе редуцировался к идее социалистического строительства. Это касалось как титульных, так и нетитульных сословий. Многочисленные партийные работники, преподаватели научного атеизма, работники Госплана и иные прямые служители отринутой идеи вынуждены были искать новое место под социальным солнцем. Но и нейтральные к коммунистической идее виды деятельности потеряли прежний статус: товарное изобилие “опустило” торговых работников и профсоюзников, военнотруж-

шие потеряли ореол спасителей социалистического отечества и потащили за собой вниз по социальной лестнице работников оборонных предприятий. Новое законодательство и нарушенные традиции изменили прежнее сословное мироустройство, что лишило граждан социальных ориентиров.

В этих условиях рыночная логика хозяйствования начинает доминировать. Население стремительно дифференцируется по доходам, появляются предприниматели. Более чем собственную бедность, население начинает ненавидеть чужое богатство. Предпринимательские доходы, даже легальные с точки зрения законов того времени, абсолютно нелегитимны в глазах населения, смотрящего на происходящее через призму сословного мировоззрения. Ведь рынок “несправедлив” по отношению к сословным ценностям *a priori*: его ресурсы минуют казну, правила раздела которой между сословиями определяют конфликтный, но привычный образ жизни. Многочисленные призывы “навести порядок в стране” есть, по сути, призывы вернуть понятный и привычный порядок вещей, желательно без коммунистической мишуры. Ностальгия ретушировала негативные проявления сословности, оставляя приятные воспоминания от жизни трудной, но социально справедливой.

В пространстве и времени сошлись три процесса: масса людей в поиске нового поприща служения, чей прежний жизненный опыт относился к освоению спускаемых сверху ресурсов; социальный заказ на “твердую руку”, способную начертать контур новых служений; наконец, набирающее обороты предпринимательство, создающее новые ресурсы. Достаточно быстро, к началу 2000-х гг. эти процессы привели к возрождению сословности: армия готовых к “распилу” служивых получила политическую поддержку и новые, созданные предпринимателями, ресурсные возможности. Было что и под какими знаменами “распиливать”. С двумя оговорками. Во-первых, рыночные процессы все же дали результат, и полный откат к безусловной сословности был невозможен, социальная структура свелась к миксту сословных и классовых позиций, да и сам перечень сословий изменился. Во-вторых, новые сословия слишком молоды, а главное, стыдливо задвигаемы за декорации рыночного строительства, чтобы выработать свою сословную идентичность, стать основой социального самоопределения. “Себя и членов своего сословия люди описывают в сословных терминах, а членов других сословий – в классовых” (с. 133). Сложилась ситуация, которую Кордонский определяет как “недоформировавшиеся классы и недоделанные сословия”.

Показательны метаморфозы, произошедшие с предпринимателями. По логике вещей они – не служивые люди, поскольку работают в рыночной, а не ресурсной логике, то есть непосредственно создают ресурсы, а не обеспечивают их сбор, охрану и распределение. Наконец, их цель – собственное благо, а не “жила бы страна родная”. Словом, предпринимательское сословие в данной ситуации – как круглый квадрат. Но по мере восстановления сословного порядка рыночная бравада независимых предпринимателей шла на убыль. Без тесной связи с представителями государства в их невообразимом разнообразии становилось все труднее продолжать бизнес. Пожарные, санитары, налоговики, таможенники, прокуроры, разнообразные инспекторы и другие “блестители государственных интересов” наступали единым фронтом. Воевать было глупо ввиду превосходящих сил противника, а дружить – означало признавать право служивых на *сословную ренту*, или свою обязанность на *сословный налог* (не путать с налогом как инструментом фискальной политики). Сословный налог собирался не в бюджет государства, а в корпоративную кассу сословия, лимитирующего на правах распорядителя государственных ресурсов возможности бизнеса. Особым ресурсом стало право на насилие, чуть было не отобранное у государства рэкетом в начале 1990-х гг.

Признание сословных правил игры могло проходить как в форме подарков, взяток, откатов, то есть индивидуализированных форм сословного налога предпринимателей, так и в виде деперсонифицированных проявлений “социальной ответственности” бизнеса. Последнее означало взносы бизнеса в бюджеты властных органов, а также участие в консолидации средств для решения задач, определяемых властью как актуальные

в их региональной конкретизации. Это могли быть “спонсорская помощь” отделению милиции, участие в строительстве спортивных объектов, реставрация храмов, передача в музей художественных ценностей, разведение цветов перед зданием мэрии и иные финансовые вложения в сотрудничество с властью. В ответ милиция давала “крышу”, прокуроры давили конкурентов, мэрия доверяла выполнение госзаказа. Оправдывая себя тем, что нет альтернатив таким откупным, многие предприниматели расслабились и начали получать удовольствие, сообразив, что сотрудничество с властью – особый бизнес. Стали конкурировать не за потребителей на рынке товаров и услуг, а за право войти в сети “распила” ресурсов, курируемых государственными структурами.

Внутри единой с правовой точки зрения группы предпринимателей выделилась колонна бизнесменов, активно обслуживающих бюджеты титульных сословий (то есть встав под их “крышу”) и получающих ответное право на “распил” бюджетных ресурсов. Предприниматели как порождение рынка мутировали в коммерсантов как продуктов перемалывания рынка сословным мироустройством. «Коммерсанты, в отличие от ортогональных сословной структуре предпринимателей, занимаются специфическим административным бизнесом с его взятками, “откатами” и “распилами” бюджетных ресурсов, выделенных на обеспечение служения» (с. 99). Если предприниматели – персонификаторы рынка, то коммерсанты, обслуживающие деятельность титульных сословий, сами становятся персонажами сословной иерархии, нетитульным сословием.

Но забавная мутация произошла и со служивыми. В них вдруг проснулись предпринимательский азарт и таланты собственника, творчески изыскивающего способы обогащения. Но исключительно по отношению к бюджетным ресурсам. По отношению же к ресурсам, находящимся в ведении других служб или, что еще печальнее, предпринимателей, отчетливо проснулась озабоченность государственно мыслящего чиновника, пекущегося о наилучшем способе распоряжения этими средствами. Разумеется, лучший способ – взять эти ресурсы под свою опеку. Собственник по отношению к казенному и активный рейдер по отношению к чужому – вот портрет современного служивого.

Вопросов, как забрать бизнес у предпринимателей, больше нет. Есть наработанные алгоритмы. Особенно преуспели монопольные распорядители государственного насилия, так называемые “силовики”. Рост их сословного ранга легитимируется важностью служения державе в ситуации растущих сепаратизма, наркомании, терроризма, педофилии, бандитизма, хакерства и браконьерства. Стало быть, и “положено” им очень много. Но они не жлобы, чтобы бюджет на такие траты “разводить”, пусть останется для пенсионеров и многодетных. Они как настоящие мужчины решают свои проблемы сами, находят, где добрать “положенное” им не по закону, но по справедливости. А в сословном обществе справедливость всегда стоит выше закона. Когда госслужащий забирает бизнес – это классовая структура рушится под натиском сословного миропорядка.

Труднее забрать ресурсы у другого ведомства. И тут, как ни странно, помогают словесные игры, в которые с головой окунулась страна. Импортируя аналитические конструкты из другой социально-политической реальности, все стали говорить о должностных злоупотреблениях, о коррупции, о нарушениях принципа равенства перед законом и прочих вещах, лишенных смысла в сословном обществе, суть которого состоит в дифференциации прав сословий, в том числе на сословную ренту, на неподчинение закону.

Рынок “статусных” номеров для автомашин, разных удостоверений и ведомственных пропусков, прикрепляемых прямо на лобовое стекло, существует именно потому, что гаишник дифференцирует применимость правил дорожного движения к автоладельцам разных сословных статусов. Взятка как вид сословной ренты взимается лишь с тех, кто стоят ниже на сословной лестнице. Поэтому находчивые люди пытаются мимикрировать под высокоранговые сословия, покупая липовые “корочки”, регулярно изымаемые в ходе рейдов. Один бывший депутат Государственной думы рассказывал мне, как он разорился на штрафах, став “простым человеком”: за годы депутатства он напроць забыл правила дорожного движения.

Словесные игры – это серьезно. Они формируют практику. Нынешняя административная конкуренция за ресурсы проходит под знаменами борьбы с коррупцией и должностными злоупотреблениями. Журналисты не успевают вещать про “оборотней” в погонах и без. Разоблачить коррумпированное ведомство или отдельного его представителя (что также подтачивает позиции ведомства) – убийство одним выстрелом двух зайцев. Во-первых, демонстрируется приверженность новым ценностям, доминирующим в политике и риторике, во-вторых, делается заявка на перераспределение казенных ресурсов, что составляет сущность общественной жизни в сословном обществе. А больше ресурсов – больше и неформальных прав сословия, в том числе на сословную ренту. Так что игра стоит свеч. И вот уже страна не успевает следить, кто на чем попался. Таможенники спустили вниз по сословной лестнице Генпрокуратуру, пользуясь делом “Трех китов”. Чекисты отодвинули от кормушки милиционеров, покрывающих игорный бизнес. Под разговоры о борьбе с коррупцией в вузах ввели ЕГЭ, отдав право на сословную ренту школьным учителям и их административным кураторам. Борьба, суть которой состоит в переделе средств между сословиями или внутрисословными группами, обрамляется в “новояз” и благородное негодование. Кто-то верит в это всерьез. Разумеется, лучшие из нас. Остальные с этим работают.

Второй способ передела – придумывание “новых угроз”, на борьбу с которыми выделяются средства. Как в пионерском лагере – кто сочинит самую лютую страшилку, тот и главный. Фактически, речь идет о шантаже – не дадите ресурсы, задохнетесь от смога, провалитесь в разломы, погибнете от вируса, потонете в полыньях, отравитесь американской курятиной. А журналисты оформляют эти ресурсные заявки в эффектные репортажи.

Усиление борьбы за ресурсы, проявляющееся в публичных скандалах разоблачительного характера, связано с ужесточением ресурсных ограничений. Уже и газ весь за рубеж идет, не доходя даже до деревень ближайшего Подмосковья, и предпринимателей почти полностью в коммерсантов обратили, загнав под всевозможные “крыши”, и милицию в полицию переименовали, создав повод для уменьшения числа служивых в ходе аттестации. А ресурсная база “распила” становится все более конфликтной, бюджет как ресурсная копилка внушает тревогу. Бизнес, единственный субъект – создатель ресурсов, уходит в тень, выводит капиталы за рубеж, продается иностранным инвесторам, сливается с транснациональными компаниями, то есть всячески сопротивляется отъему средств, в чем проявляется его полная “социальная безответственность”. Рост обвинений в коррупции и злоупотреблениях – признак растущего ресурсного дефицита, кризисного состояния сословного порядка, обычно удерживающегося от использования этого оружия из опасения “войны всех против всех”.

Книга Кордонского не тешит надежды на реализацию развешенных по стране лозунгов. Политическая риторика и практика государственного управления тянут страну в разные стороны. И понятно, у кого окажется больше сил. Но это не повод не читать другие книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессонова О.Э.* Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // *Общественные науки и современность.* 2006^а. № 2.
- Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность.* 1994. № 3.
- Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М., 2006^б.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.* Социально-профессиональная структура населения России // *Мир России.* 2007. № 3.
- Эвельсон Е.* Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы). London, 1986.